

И С Т О Р И Я

Фалько ДАЙМ

АВАРЫ И ВИЗАНТИЯ. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Введение.

Почти четверть тысячелетия, с 568 г. по примерно 800 г., в Карпатском бассейне (современная Венгрия и сопредельные территории) существовало аварское государство, о чем свидетельствуют огромное количество погребений и многочисленные письменные источники.

Изучение истории авар в предыдущие десятилетия принесло несколько значительных результатов, прежде всего, публикацию многих могильников и ряд ценных наблюдений. Однако вынуждены самокритично добавить, что созданием теории, то есть разработкой новых теоретических положений интерпретации исторических структур и процессов, занимались без такого же усердия. При этом речь идет о том, чтобы заново оценить значимость полученных данных. Какое значение имеют находки и документы, что за информация в них скрыта? Необходимо развивать новые подходы, ставить новые проблемы, подобно тому, как это удалось в исторической науке с историей менталитетов, гендерным изучением и историей окружающей среды. Так, критическая переоценка исторических категорий «племя, народ, идентичность и различие» в историческом изучении вызвала дискуссии в археологии, которые протекали не совсем безболезненно.

В настоящей работе я попытаюсь применить способы рассмотрения истории менталитетов по французскому образцу для археологии авар и византийцев.

Задача археологии состоит в том, чтобы собрать и проанализировать свидетельства человеческой деятельности. При этом нельзя останавливаться только на простой реконструкции действий, которые привели к фиксируемым археологическим данным. Более того, археология хочет объяснять эти действия, то есть строить модели, в которых единичные результаты,

стоящие за реконструированными действиями, представляются логичными. Для построения убедительных моделей, конечно, требуется большое количество результатов отдельных исследований, так как интерпретироваться должны только примеры поведения человека, составляющие правило.

Если же мы согласимся, что речь, в конечном счете, идет о том, чтобы объяснить решения человека прошлых эпох, то мы сможем сделать шаг вперед и констатировать, что оценка стереотипа поведения возможна только, если мы прежде измерим, какое пространство для принятия решений тогда на самом деле предоставлялось. Там, где существовало две и больше возможностей действовать, но – осознанно или неосознанно – выбран одинаковый путь, мы можем предположить, что решающее значение имела общественная система ценностей, культурный регулятор сущности. Когда я с осторожностью сформулировал «осознанно или неосознанно», то я хотел принять в расчет тот факт, что каким-либо действием **осознанно** подчиняешься традиции, но что ей также можно соответствовать **непроизвольно и неосмысленно**. Последний случай связан с менталитетом общества, который невозможно наблюдать изнутри, и поэтому тяжело контролировать.

Авары и Византийская империя удивительно хорошо подходят для проверки новых научных подходов и моделей интерпретации. Поэтому мы хотим далее коснуться следующих вопросов:

1. Как «авары» смогли стать господствующей силой в Карпатском бассейне в третьей четверти VI в.?

2. Как мы сегодня, с такого большого расстояния в пространственном и временном отношении, характеризуем авар или Аварский каганат и римлян или Византийскую империю? Как воспринимали друг друга авары и византийцы?

3. Как далеко зашло взаимное влияние обеих культур? Наблюдаются ли закономерности в выборе культурных элементов и как их интерпретировать?

1. Движущая сила власти.

Долгое время считалось, что этнические общности переживали столетия неизменными в своем ядре. Каждая этническая общность, каждый народ и каждое племя имели свою особую культуру, материальные следы которой делают возможным объективное доказательство стоящего за ними этнического самосознания. Критический анализ письменных сообщений, а также этнологические и социологические исследования, тем не менее, полностью отвергли этот подход. Вред от этого оказался большим, так как переоценка этнической интерпретации в археологии XX столетия закрыла нам глаза на интересные проблемы, как, например, вопрос, как вообще возникает господство. В случае с аварами мы располагаем замечательными письменными свидетельствами о времени до 626 г., так что мы можем реконструировать эту постепенную концентрацию власти при дворе кагана.

Последние годы Юстиниана в Константинополе кажутся не такими безмятежными. По меньшей мере, севернее устья Дуная жил ряд кочевых народов или лучше народностей, в том числе утригуры и кутригуры. В то время как первые, по Агафию, были союзниками Восточной Римской империи, то кутригуры неоднократно вторгались в Римскую империю; как Агафий, так и Прокопий сообщают, что они в 559 г. под предводительством Забергана даже попытались захватить Константинополь. История, собственно говоря, хорошо подошла бы для съемок кинофильма: седовласому Белисару, жившему, так сказать, на пенсии в Константинополе, пришлось еще раз надеть свой мундир. С помощью своей гвардии и подготовленного им лично ополчения ему удалось заманить нападавших в западню и обратить их в бегство.

Государства любят порядок по ту сторону границ и поэтому, как правило, поддерживают потенциальных властителей, рассматриваемых как будущих партнеров и возможных союзников в случае опасности. Так, для Юстиниана оказался очень своевременным визит «аварских» посланников, которые хвастливо объявили, что могут «истребить всех его врагов» (Менандр). Согласно Феофилакту, чтобы внушить страх, они присвоили себе имя «авары». За свои услуги лже-авары потребовали «богатые дары, ежегодную дань и плодородные земли, где они могли поселиться». Сделка состоялась, и мнимые авары воевали на службе у Константинополя и даже дважды участвовали в походах против франков. Как сообщает Григорий Турский, в их распоряжении были магические силы, которыми он хотел, вероятно, объяснить их умение обращаться с лошадьми и пугающую Меровингов тактику боя.

Роль, которую для дальнейшего расширения аварской власти сыграли, с одной стороны, военный успех, а с другой – приток золота из Византии, выразительно описал Вальтер Поль в своей известной книге об аварах.

Сплоченность между вождем и воинами возникает благодаря военному и экономическому эффекту. Успех и золото стали движущей силой власти. Смеем предположить, что только византийские платежи аварам способствовали накоплению критической массы с соответствующей ударной силой так, что их, все еще живущих в Причерноморье, в 567 г. приняли в расчет как союзников притесняемых гепидами и Византией лангобардов в далекой Паннонии. Только византийское золото дало аварам возможность в результате союза с лангобардами занять Карпатский бассейн.

С этой точки зрения становится также понятно, что авары после их переселения на территорию современной Венгрии тут же начали грабить византийские города и крепости на Балканах. Набеги авар и их союзников чаще всего происходили по неписаным правилам, по определенному ритуалу. Платежами часто можно было предотвратить осаду, твердую цену установили за выкуп пленных. Полученная власть стоила все новых и новых трофеев. Иног-

да эта игра разыгрывалась совершенно открыто. Так, в 568 г. каган вел переговоры под стенами Сирмии с полководцем Бонусом.

При этом каган просил «только одну серебряную чашу, немного золота и одно (дорогое) платье», для того, чтобы он мог что-то предъявить «народам, последовавшим (за ним) на войну» (Менандр). Римляне не могли почти ничего противопоставить аварам на Дунае. Из-за столкновений с персами свои военные усилия они обратили на экономически важный восток и практически отказались от Балкан.

Вероятно, дружина аварского кагана больше всего ценила золото. Элита же, кроме того, редкие деликатесы. На Пасху 598 г., когда аварские и византийские армии зимовали у причерноморской Томи и у римлян заканчивались припасы, каган послал армии несколько партий провианта. Через некоторое время к полководцу явились посланники просить индийских пряностей, которые они тоже получили. Как сообщает Феофилакт, каган был «одержим ароматами». Археологических свидетельств этому до сих пор не обнаружено, зато в раннеаварских поселениях, иногда и в могилах, находят амфоры, которые подтверждают потребление аварами масла и вина.

В 626 г. авары, в союзе с персами, попытались занять Константинополь. Кампания окончилась поражением нападавших и как следствие катастрофическим падением авторитета кагана и, очевидно, конфликтами сродни гражданской войне в самом каганате. Уже после того как около 623 г. произошло дробление славянского княжества Само, предположительно находившегося на территории современной Моравии и/или Богемии, 9000 болгар в 631/32 гг. бежали из Аварского каганата в Баварию, где их убили по приказу короля Дагоберта I. Вероятно, государство выжило только потому, что по соседству не было «заинтересованных» прийти на смену аварам (Поль), или действительно существовало влияние из южнорусских степей.

2. Восприятие друг друга.

2.1. Византия.

Как сегодня мы представляем себе Византию? На востоке Римская империя пала только в XV в., ее культура во многих проявлениях жива и сегодня. Однако за свое тысячелетнее существование, со времени основания Константинополя в 324 г. императором Константином и до взятия столицы Мехметом (Могаммедом) II в 1453 г., она медленно, но в корне изменялась. Так, Константинополь во времена Юстиниана, несмотря на строительство многочисленных церквей, выглядит еще типично римским крупным городом с величественными общественными зданиями и цирками. В последующие столетия облик города постепенно менялся. Даже от своих притязаний на господство во всем Средиземноморье вскоре после Юстиниана пришлось отказаться, когда в VII в. кризис чуть не привел к гибели империи. Византия

часто показывала себя открытой для влияний извне, прежде всего, с Востока, но после завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г., что на Западе считается позорным пятном своей истории, в Византии усиливаются западные влияния как в культуре, так и в общественной системе. Начинается феодализация и возрастает влияние различных знатных родов.

Благодаря Константину и его последователям Римская империя христианизировалась, однако пропасть между традицией античной мифологии и христианским учением осталась не преодоленной. Империя централизованно управлялась из Константинополя. Византийская политическая и культурная жизнь, хоть и протекала всегда в городах, со временем все большую роль играло сельское пространство и поместная знать. Византийская культура была письменной. Для этого имелся относительно дешевый материал, папирус. Существовали единая денежная система и система мер, профессиональные группы были организованы в цеха. Знания сохранялись в открытых для доступа архивах и библиотеках. Новый опыт и знания, например, в технике и медицине, фиксировались и передавались. Уже в IX в. в Константинополе основали учебное заведение, подобное университету, с кафедрами философии, геометрии, астрономии и грамматики. Государство оплачивало из казны поддержание дорог в хорошем состоянии и снабжение городов продуктами.

Что же могли увидеть торговцы и посланники, которые в конце VI в. прибыли в Константинополь? Это были мощные стены, общественные здания с изваяниями из камня и мозаиками, фонтаны и цистерны, церкви и монастыри, памятные колонны и другие монументы, большие торговые и военные суда в порту. Здесь можно было увидеть экзотических животных, слонов и львов. Дело дошло и до предметов роскоши из слоновой кости, драгоценных камней, шелка, золота и серебра. И какое бы сильное впечатление ни произвели на наших посетителей города общественные здания, как раз эти небольшие произведения ювелирного искусства вызывали такой интерес чужестранцев, что Иоанн Эфесский самодовольно заметил, что варвары, чтобы получить от императора подарки, под любым предлогом присылали в Константинополь все новые и новые посольства. Меландр рассказывает, что аварские посланники покупали на рынке «золотые цепи, сделанные как для сковывания беглецов, и золотые кровати и другие предметы сладкой жизни». Византийцы заметили, что вкус авар отличался от византийского. Им был важен тяжелый драгоценный металл, а тонкая работа, изысканные технические решения не интересны.

Несмотря на восхищение, которое великолепная столица вызывала у авар, ни один авар не хотел растить и обучать здесь своих детей, здесь жить, стать римским гражданином.

2.2. Авары.

Аварское археологическое наследие велико, даже если оно состоит в основном из погребений и исследовано очень мало поселений. Соответственно написано большое число обобщающих работ, последняя Тивадара Вида, так что здесь я могу опустить его подробный анализ. Я хочу только затронуть неизменные факторы аварской культуры и выделить фазы разной интенсивности контактов с Византией.

Авар характеризуют как кочевников-скотоводов, их уклад жизни основывался на животноводстве, они разводили лошадей, коров, овец, коз, свиней и домашнюю птицу. О земледелии и садоводстве нам известно не много. Их хозяйство оптимизировалось для засушливых, безводных земель. Население расселилось по стране небольшими и совсем малыми группами, что позволяло проводить шадящий выпас скота на медленно восстанавливающихся пастбищах. Особые способности к верховой езде и охоте верхом и, прежде всего, к коммуникации через большие расстояния, которые требует жизнь в степи, полезны также и в бою. Мы будем исходить из того, что именно эти достоинства оттачивались у авар до мастерства, возможно, даже возвышались религией в соответствующих ритуалах. Вероятно, они очень гордились, что они воины-всадники, и представление о высокой мобильности являлось составной частью самовосприятия, идентичности.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что с VI по VIII вв. аварский образ жизни в основных чертах не изменился. Даже в конце VIII в. авар воевал верхом, используя лук и стрелы, а в ближнем бою какое-нибудь длинное оружие, носил длинные волосы, собранные в пучок или косу. Поселения почти не отличаются от поселений раннеаварского периода; жилища, вероятно, были устроены уютно и красиво, но прочных строений они не сооружали. Мы не располагаем никакими сведениями о том, что аварское сельское хозяйство приспособлялось к новым условиям после их прихода в Карпатский бассейн и особенно в бывшую Паннонию. Здесь еще жило смешанное романское население, пахотные земли были лучше и имелось достаточно воды, поэтому современному человеку покажется абсурдным, что эти условия не использовались соответствующим образом. Во всяком случае, поселения авар здесь находились ближе друг к другу, чем в восточноевропейской степи, и частично существовали на одном месте на продолжении жизни семи поколений. Наряду с релевантностью этих наблюдений относительно устойчивых и варьирующихся элементов культуры в контексте истории ментальностей, они интересны также и с точки зрения экологической истории – коль скоро речь идет о землепользовании, взаимодействии общества с окружающей средой и, в конечном счете, об интерпретации окружающей среды человеком. Полезно было бы иметь в распоряжении больше результатов археологических исследований поселений аварского времени.

Однако вернемся к основному вопросу: за почти 250-летнее господство авар в Карпатском бассейне отношение к византийцам неоднократно изменялось коренным образом:

1. Первая фаза длилась с 568 по 626 г. Она характеризуется набегами авар на Балканах. Благодаря постоянно увеличивающейся дани и трофеям авары получали движимое имущество, богатства, поднимающие престиж кагана и элиты. Если бы завоевание Константинополя в союзе с персами удалось, богатство аварского кагана приняло бы гигантские размеры, население города угнали бы персы. Во время фазы мира для византийцев авары выступали также как сила, обеспечивающая порядок. В репрезентации, прежде всего, в украшениях, авары ориентировались на византийскую моду.

2. Вторая фаза продолжалась с 626 по 670/80 г. Отношения между аварами и Византией, вероятно, глубоко заморожены. Среди находок встречаются немногие (малоценные) пряжки, попавшие в Карпатский бассейн, пожалуй, как товар.

3. В 680 г. южнее нижнего Дуная на территории Византийской империи селятся болгары. То, что в это время между аварами и византийцами возобновились интенсивные контакты, удивляет мало. Их подтверждают не только сведения об аварских поздравлениях с византийской победой над арабами в 578/79 г., но также заметный приток в Аварию византийских украшений. Иллюстрацией этому могут послужить могилы из Тотипуста-Озора (*post quem* 669).

4. В течение VIII в. в Аварский каганат почти не поступают византийские оригиналы. Некоторые из них недавно смогли идентифицировать. Все же они, вероятно, служили образцами для аварских ювелиров, как показывают бесчисленные примеры.

Что же увидели византийцы в аварах? Некоторые письменные источники очень информативно освещают этот вопрос, они дают принципиальную классификацию народностей по их образу жизни, а также показывают деление на племена, имевшие свои особые названия. Так, у Агафия мы читаем, что гунны, жившие в давние времена восточнее Азовского моря и севернее Дона, как и другие варварские народности, жившие в Азии на склоне горы Имэй (Кавказ?), назывались общим именем гунны или скифы, тогда как отдельные племена имели собственные имена, укоренившиеся в древних традициях, как например, Котригуры, Утигуры, Ултизуры, Буругунды и т.д. (Агафий 5,2)

Что византийцы думали об аварах, подробно сообщают письменные источники. «Народ аваров свиреп, коварен и искушен в войне». «Только турки и авары обдумывают тактику, они сражаются сильнее, чем другие скифы союза». В деталях мы узнаем из Стратегикона, увлекательного руководства по ведению войны, написанного около 600 г., также и об оружии авар: «Вооружены они кольчугой, мечом, луком и копьем, отчего большинство из них берут в бой два оружия, неся на плече копье и держа в руках лук, и используя оба по

потребности. Не только они несут оружие, даже лошади знати защищены на груди железом и войлоком. Искусны они в стрельбе из лука верхом». Некоторые части амуниции авары переняли у византийцев или получали такие рекомендации в Стратегиконе: под заглавием «Как нужно вооружать кавалериста, и какое снаряжение он должен обязательно иметь» можно найти «копья всадников с ремнями посередине по аварскому способу, с флагом», «круглые воротники как у авар в виде бахромы, снаружи из льна, внутри из шерсти». «Лошади, прежде всего командующих (...) должны на лбу носить железную защиту и нагрудник из железа или войлока или покрытую шею спереди и сзади по аварскому способу (...)». «Их одежда должна быть широкой и удобной, сделанной по аварскому способу, то есть туники, или из льна, козьих шкур или из грубой ткани, чтобы во время езды она прикрывала колени и всадники казались одетыми роскошно». «(...) однако хорошо иметь шатры по аварскому способу, так как эти шатры одновременно и роскошны, и полезны».

Основываясь на археологических находках, предположим, что аварская армия первой в Европе полностью была оснащена железными стременами. Для автора Стратегикона, вероятно, императора Маврикия, это было чем-то само собой разумеющимся. Они вскользь упоминаются в тексте только дважды, так он требует: «у седел должны быть два железных стремена (...)». С какого времени стремена становятся частью стандартного снаряжения византийской армии неясно. По меньшей мере, к 600 г. они уже не были нововведением.

За исключением предметов военной амуниции византийцы не получали от авар никаких культурных импульсов.

3. Избирательное заимствование.

Одна из интереснейших возможностей понять элементы общественной системы ценностей состоит в иконографическом сравнении оригинала и его повторений, а также в изучении технических деталей. Я приведу два примера, объясняющие методику.

Среди почти 50000 находок аварского погребального инвентаря VIII в. встречаются многочисленные литые поясные наборы с типично средиземноморскими мотивами: сценами цирка, грифонами, nereидами на дельфинах, портретами императоров, усиками винограда и многими другими, большинство которых, очевидно, относятся к местной продукции. Не считая статистической вероятности, основанной на распространении, это подтверждается также количеством брака и наполовину готовых изделий из аварских поселений. С каких образцов авары заимствовали классические мотивы и адаптировали их по своему вкусу, долгое время оставалось неясным, однако недавно удалось идентифицировать некоторые византийские оригиналы как таковые.

Сенсационным стало открытие, что в случае со знаменитым поясным набором из Хоенберга, Штайермарк, речь идет об италийско-византийской

продукции, вероятно, попавшей в альпийский регион в качестве дипломатического подарка карантанскому «архонту». Этот тип пояса изображен также в церкви св. Марии Антика в Риме на ее учредителе, главнокомандующем византийскими войсками дуке Феодоте. Интересны различия между византийским поясным набором и аварскими подражаниями: набор из Хоенберга представляет собой очень тонкую работу из латуни, только наконечник основного ремня состоит примерно из 70 частей. Аварские подражания сделаны из бронзы, исключительно одночастные или двучастные, лишены какого-либо изящества.

Как обходились с византийскими образцами, демонстрирует пример небольшого золотого наконечника ремня из собрания Дамбартон Оукс, сделанного, вероятно, в Алеппо. Институт истории первобытного мира и ранней истории университета Вены несколько лет назад случайно приобрел небольшую частную коллекцию раннесредневековых находок, которые в свое время по отдельности покупались в антикварных лавках и на блошином рынке. В ее состав входил также позднеаварский поясной набор с наконечником основного ремня, который был поразительно похож, даже своей конструкцией, на наконечник из Алеппо. Однако, византийских птиц заменили четвероногими, что наблюдается и на других «сомнительных» экземплярах.

Недавний, очень наглядный пример происходит из музея Сегеда.

Грандиозное строительство венгерской дорожной сети уже в два прошедших десятилетия привело к нескольким археологическим сенсациям. Одной из них стала, на первый взгляд, ничем не примечательная поясная накладка, которую нашли в 2004 г. во время охранных раскопок в Сегед-Кишкундорозмо в разрушенной аварской могиле и вскоре опубликовали. Находку исследовали в 2007 и 2008 г. в РГЦМ в Майнце.

Высота накладки составляет немногим более 40 мм, ее вес превышает 17 г. Она состоит из многочисленных серебряных частей, соединенных в стабильную конструкцию и позолоченных горячим способом на видных сторонах. Обрамляющая боковина («обод») состоит из двух нитей зерни, между которыми находятся треугольники из 9 шариков. На переднем крае обода окаймление из зернинок штамповано в серебряную пластину в форме рамки. Каждую зернинку украшают треугольники и точки.

На лицевой стороне накладки изображен византийский император в профиль, с диадемой, намечены также круглая фибула и нагрудное украшение. Перед собой он держит пальмовую ветвь, другую видно за его головой. Сцену обрамляет арочный край. Центральная пластина имеет одинаково четкое изображение на лицевой и на обратной сторонах, особенно четко выполнены зернинки диадемы. Совершенное совпадение их выпуклой и вогнутой сторон достигается благодаря двойной модели из бронзы, то есть негативной модели для лицевой стороны и позитивной для обратной стороны. У штампованной таким образом пластины

затем стамеской выдалбливались отверстия желаемой формы, некоторые детали обрабатывались разными резцами. Украшенная фигурами центральная часть напайвалась на серебряную пластину в виде рамки. Применение двойной модели позволяло изготовление большого числа пластин с почти одинаковым декором, что в нашем случае, вероятно, было обязательным, так как поясные наборы этого типа чаще всего имеют шесть одинаковых накладок.

Внутри обода на обратной стороне крепились три «петли» из узкой серебряной пластины, с помощью которых накладка держалась на ремне. Затем накладку золотили горячим способом. Вид подвески неизвестен, предположительно она была полукруглой или пятиугольной, как и сама накладка.

Накладка из Сегед-Кишкундорозмо хорошо вписывается в известную группу византийских поясных наборов, наконечников ремней и накладок VIII в. В нашем случае представлено даже несколько аварских изменений украшений типа «император с пальмовой ветвью». Примером тому может послужить позолоченная горячим способом пряжка середины VIII в., найденная на аварском могильнике Леоберсдорф, могила 69.

Мотив византийского императора с пальмовой ветвью вряд ли широко известен. Прекрасный образец представлен на изящной крышке серебряной коробочки, хранящейся в Национальном археологическом музее в Мадриде. Не все части византийских поясов украшают такие имеющие глубокий смысл мотивы, как на нашей накладке. Пояс с такими накладками, как из Сегеда, наилучшим образом подходит для подарка чужому правителю: император выглядит не как триумфатор, как на ранее распространенном изображении в профиль с окрыленной Викторией. С пальмовой ветвью, символом мира и плодородия, он представлен как друг с наилучшими намерениями, как сосед, от которого ни в коей мере не исходит опасность, как новый Адриан, как надежный партнер.

Не считая известных и идентифицированных поясов, мы знаем только один единственный, вероятнее всего, византийский оригинал из Карпатского бассейна. Речь идет о штампованной из золотой пластины паре аграфов-«коробочек» из Дунопотой, которые еще Эва Гарам считала византийскими. На основании их сходства с застежкой из Обони (Венгрия), могила 128, также имеющей несколько многочастных длинных бусин, ее можно датировать второй половиной VIII в. Возможно, она попала к аварам как аксессуар дорогого верхнего платья.

Заключение.

Аварское и византийское общество не могли быть более разными. Тем не менее, произошло взаимопроникновение обеих культур. Византийцы, подходя к вопросу чисто утилитарно, видели в аварах сначала союзников, которых можно использовать для «восстановления мира» на побережье Черного моря и для этого укреплять их силу обильными платежами, однако вырастили из них опасного врага, разгромившего и разграбившего вместе со всевозможными

союзниками почти весь Балканский полуостров. Некоторые импульсы византийцы почерпнули в амуниции аварского воина.

Авары видели в Константинополе и других византийских городах величественную архитектуру и комфорт. Что мы видим в восточно-римской культуре средневековья, осталось для них недоступно. Желанными для них были лишь средства репрезентации, предпочтительно из драгоценного металла, а также продукты питания, как например, масло и вино, и пряности, которые не подвергали сомнению собственную модель жизни, а встраивались в таковую. Процесс избирательного заимствования можно в деталях продемонстрировать на примере украшения пояса, где одни мотивы перенимались, другие изменялись, какие-то отвергались, не говоря уже о том, что технология как фактор, увеличивающий ценность, для авар, очевидно, не играла никакой роли, а в Византии имела традицию со времен греческой античности.

Продемонстрированный подход имеет большое значение для анализа сокровища из Сынниколаул Маре (с. Надьсентмиклош), где на основании мотивов на сосудах можно судить о духовном мире так называемой варварской элиты.

Перевод Д.А. Шалыга

BIBLIOGRAPHIE:

Bodo Anke – László Révész - Tivadar Vida, Reitervölker im Frühmittelalter. Hunnen – Awaren – Ungarn (Stuttgart und Aalen 2008).

Csanád Bálint, Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Donau und Volga vom 8. bis 10. Jahrhundert (Böhlau Wien 1989).

Falko Daim, Das awarische Gräberfeld von Leobersdorf, Niederösterreich (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse 194, 1987).

Falko Daim, Der awarische Greif und die byzantinische Antike. In: Herwig Friesinger - Falko Daim (Hrsg.), Typen der Ethnogenese am Beispiel der Bayern - Berichte des Symposiums der Kommission für Frühmittelalterforschung, 27. bis 30. Oktober 1986, Stift Zwettl, Niederösterreich, Band II (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse 204, 1990), 273-304.

Falko Daim, Daim (Hg.), Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Studien zu Diplomatie, Handel und Technologietransfer im Frühmittelalter (The Avars on the Border of the Byzantine World. Diplomacy, Trade and the Transfer of Technology in the Early Middle Ages) (Innsbruck 2000).

Falko Daim, Article MAIET IX, 2002

Cyril Mango (Hg.), The Oxford History of Byzantium (Oxford 2002).

Walter Pohl, Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567-822 n. Chr. (München 1988)

Patricia Mészáros – Tibor Paluch – Csaba Szalontai, Avar kori temetők Kiskundorozsma határában (Előzetes beszámoló az M5-ös autópályán feltárt lelőhelyekről). Tatabányai Múzeum Tudományos Füzetek 8, 2006, 97-108. Byzantine belt fitting with the image of Byzantine Emperor, middle 8th century: Fig. 6/6.

Falko Daim

Die Awaren und Byzanz. Geschichte einer Haßliebe

Zusammenfassung

Die awarische und byzantinische Gesellschaft konnten unterschiedlicher nicht sein. Dennoch sind die beiden Kulturen mehrfach miteinander verzahnt. Rein utilitaristisch sahen die Byzantiner in den Awaren zunächst einen Bündnispartner, den man zur „Befriedung« der Gebiete am Schwarzen Meer nutzen konnte und dafür durch reichliche Goldzahlungen stärkte, doch wurden daraus gefährliche Gegner, die mit allerlei Bundesgenossen fast die gesamte Balkanhalbinsel überrannten und beraubten. Bei der Ausrüstung des awarischen Kriegers holten sich die Byzantiner manche Anregungen.

Die Awaren sahen in Konstantinopel und anderen byzantinischen Städten großartige Architektur und Lebenskomfort. Was wir in der oströmischen Kultur des Mittelalters sehen, blieb ihnen jedoch weitgehend verborgen. Begehrtest für sie waren lediglich mobile Repräsentationsmittel, vorzugsweise aus Edelmetall, dann auch Lebensmittel, wie Öl- und Wein sowie Gewürze, welche das eigene Lebensmodell nicht in Frage stellten und in dieses eingebaut werden konnten. Der Prozess der selektiven Rezeption konnte im Kleinen anhand von Gürtelschmuck demonstriert werden, wo bestimmte Motive übernommen, andere verändert und manche abgelehnt werden, abgesehen davon, dass Technologie als wertsteigernder Faktor bei den Awaren offenbar keine Rolle spielt, in Byzanz aber seit der griechischen Antike Tradition hat.

Der demonstrierte Ansatz wird eine wesentliche Rolle bei der Analyse des Schatzes von Sănnicolau Mare (Nagyszentríkly) spielen, wo sich über die Motivik der Gefäße die ganze Geisteswelt einer angeblich barbarischen Elite erschließt.